

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

также символически указывает на неполную одинаковость объектов.

В.Г.Гузев, Д.М.Насилов

О СООТНОШЕНИИ ТИПОВ ИЗАФЕТА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Практика исследований в области тюркского языкознания убеждает в том, что несмотря на наличие сложившихся традиций в описании и истолковании грамматических категорий тюркских языков и достигнутых результатов, исследователи снова и снова возвращаются к пересмотру казалось бы устоявшихся положений.

Иллюстрацией этого может служить продолжающаяся разработка учения об изафете в тюркских языках. Это вызвано рядом причин. В качестве одной из них назовем осознание необходимости использовать общий прогресс языкознания и в тюркологических исследованиях.

В последнее время к вопросу об изафете обращались С.Н.Иванов ("Родословное древо тюрк" Абул-Гази-хана), Ташкент, 1969) и Н.З.Гаджиева (Природа изафета в тюркских языках. - "Советская тюркология", 1970, № 2).

С.Н.Иванов интерпретирует изафет в староузбекском языке через призму устанавливаемых им общих свойств тюркского имени существительного: способности совмещать в себе значения единичного предмета данного класса (конкретной предметности) и обобщенного названия данного класса предметов (отвлеченно-предметное, предметно-качественное значение). Род.падеж в функции "прилегающего" определения (изафет III) трактуется им как форма определения с конкретно-предметным значением, основной падеж в этой функции (изафет II) предстает как форма определения с отвлеченно-предметным значением.

Н.З.Гаджиева рассматривает изафет на общетюркологическом материале и в плане исторического синтаксиса. Она считает целесообразным изучать изафет "как с грамматической, так и с логической точки зрения" (Указ.соч., стр.9). В своей статье она освещает вопросы генезиса изафетных конструкций, их исторической последовательности, семантические и функциональные особенности каждого типа. Н.З.Гаджиева справедливо отмечает, что сущность изафета остается недостаточно раскрытой.

Изафет в турецком языке трактуется в таких известных рабо-

тах как книга С.С.Майзеля "Изафет в турецком языке" (М.-Л., 1957), в грамматиках турецкого языка А.Н.Коновова (М.-Л., 1941; М.-Л., 1956), Н.К.Дмитриева ("Турецкий язык", М., 1960), В.А.Гордлевского (М., 1928), в статье А.К.Боровкова "Природа "турецкого изафета" (сб. "Академия наук СССР академику Н.Я.Марру", Л., 1935, стр. 165-177) и др. Трактовка изафета в вышеуказанных работах общеизвестна. Изафет - это определительное сочетание двух имен существительных, из которых одно выступает определением, другое - определяемым. Принято различать три типа изафета на основании формальных признаков: морфологических способов выражения связи между компонентами.

Представляется, что более глубокому познанию механизма изафетных конструкций может способствовать обращение к принципам оппозиционной морфологии, если согласиться с тем, что "опозиции являются формальным и наиболее объективным средством исследования (и формой реализации) грамматических категорий..." (И.Б.Хлебникова, Опозиции в морфологии, М., 1969, стр.14).

Как известно, одним из первых теорий оппозиций в морфологии изложил и применил к конкретному языковому анализу Р.Якобсон в известных работах о русском глаголе и склонении. Эта концепция была выработана в недрах пражской лингвистической школы. Она в значительной степени явилась результатом обобщения опыта таких русских языковедов, как А.Х.Востоков, К.С.Аксаков, Н.П.Некрасов, а также Ф.Ф.Фортуатов, А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, С.Карцевский. В противоположность сложившемуся и дающему о себе знать до сих пор представлению о том, что каждая из двух взаимосвязанных общим значением форм обладает самостоятельным, независимым положительным значением, уже в трудах этих ученых содержалось наблюдение, что значения таких форм находятся в ином отношении: в то время как одна категория выражает некий признак, другая категория оставляет этот признак невыраженным (R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums - "Readings in Linguistics II", Chicago-London, 1966, стр.23). Р.Якобсон сформулировал эту идею следующим образом: "В действительности общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I сообщает о наличии А, то категория II о наличии А не сообщает, т.е. она не свидетельствует, наличествует ли А или нет. Общее значение категории II в сравнении с категорией I ограничивается отсутствием

"сиг.ализации об А" (Там же, стр.22).

Оставим в стороне спорный вопрос об универсальности бинарных и, следовательно, привативных отношений между языковыми объектами. Будем руководствоваться замечанием А.А.Реформатского, что бинаризм оправдан там, где он не привнесен извне, где он коренится в самой онтологии языка.

Анализ имеющихся трактовок изафета убеждает в том, что в турецком языке как изафет II, так и изафет III в семантическом плане в конечном итоге выражают отношение между предметами, которое следует рассматривать как "базу общего основания для сравнения" (И.Б.Хлебникова. Указ.соч., стр.5) их как членов грамматической оппозиции. Каждое из имен существительных, выступающих в качестве компонентов обеих конструкций, необходимо имеет предметное значение.

Изафет I конституируется, как известно, на совершенно иных семантических началах. Он не выражает отношения между предметами. Компонент, признаваемый определением в сочетании типа *fötr şarka* "фетровая шляпа", всегда имеет качественное значение. Напомним, что С.С.Майзель писал об отсутствии предметного отношения между *fötr* и *şarka*, "пространственно слитыми и вещественно совпадающими друг с другом" (Указ.соч., стр.77). Отметим, что понятием изафета I объединяются традиционно, на наш взгляд, семантически разнородные словосочетания. Соглашаясь с С.С.Майзелем в том, что нельзя отождествлять изафет с приложением европейских языков, следует все же заметить, что отдельные сочетания, относимые к изафету (напр., тур. *Osman beu, paçmak çocuk* 'мальчик-с-пальчик' - примеры А.Н.Кононова) вполне соответствуют этому понятию.

Все три типа изафета, которые на грамматическом уровне несомненно образуют стройное единство как атрибутивные сочетания имен существительных, на семантическом уровне обнаруживают разнородность: изафет I не имеет общего значения с изафетами II и III, поскольку компонент-определение имеет в нем качественное значение в противоположность предметному, сохраняющемуся в изафете II и III. Пользуясь словами В.В.Виноградова, можно сказать, что во II и III-ем типах "качественность ищется в формах отношений между лицами, предметами, отвлеченными понятиями" ("Русский язык", стр. 183).

Во П-ом типе изафета значение конструкции не зависит от семантики компонента-определения, а ограничивается лишь функцией показателя относительной связи (афф.принадлежности): указанием на отнесенность одного предмета к другому предмету или понятию о нем чем и объясняется безграничное многообразие значений, вытекающих из семантики компонентов этой конструкции.

Ш-ий тип, в отличие от изафета П, имеет более ограниченный круг реальных значений. Представляется, что при этом он выражает отнесенность одного предмета к другому, всегда конкретному предмету, что делает эту отнесенность также конкретной. Наиболее типичным проявлением этого конкретного отношения является принадлежность, поэтому и круг значений Ш-го типа предстает как филиация этого значения.

Наличие общего семантического основания для сравнения изафета П и Ш (отношение между предметами), форма род.падежа компонента-определения в изафете Ш, более узкий круг его значений (производных от отношения конкретной принадлежности) позволяют считать, что обе формы составляют грамматическую оппозицию, где, Ш-ий тип должен рассматриваться как член, маркированный на морфологическом (аффикс род.падежа), а также семантическом уровне (по признаку отнесенности предмета к какому-либо конкретному предмету). Из этого следует, что в изафете П (немаркированный член оппозиции) компонент-определение может иметь как отвлеченно-предметные, так и конкретно-предметные значения, а в изафете Ш (маркированный член) он имеет конкретно-предметное значение. Именно поэтому мы не должны удивляться, наблюдая случаи употребления в качестве определения в изафете П существительных с конкретно-предметным значением (напр., старооси. *canı kulađı* 'ухо его души', *gözüm uası* 'слезы моих глаз'; тур. *Türkiye hükümeti* 'правительство Турции', *Ankara şehri* 'город Анкара').

Не случайно многие авторы пишут о взаимозаменяемости изафета П и Ш в некоторых контекстах (напр., А.Н.Кононов: *Türkiye hükümeti*, *Türkiye'nin hükümeti*). Такие случаи следует рассматривать как явление нейтрализации оппозиций изафета П и Ш. В соответствии с законами нейтрализации грамматических оппозиций представителем категории выступает немаркированный член (см.: И.Б. Хлебникова. Указ.соч., стр.43-54), каким и является изафет П. Здесь остается невыраженным факт конкретной отнесенности (при-

надлежности) одного предмета к другому, поскольку отсутствует необходимость (по условиям контекста или ситуации речи) передать такую информацию в сообщении.

И.С.Гуревич

СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТА (ИЛИ ВРЕМЕНИ)¹
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ Ш-У ВВ.

Предлагаемая статья представляет собой сокращенное изложение одного из разделов предпринимаемого нами исследования "Классы слов в китайском языке Ш-У вв."

Основным источником для этого исследования послужил текст сутры Бай ши цзин² - памятника достаточного по объему (21081 знак) и чрезвычайно репрезентативного для китайского языка интересующего нас периода. Кроме того, в данном исследовании учитывается и используется материал, содержащийся в нашей работе "Очерк грамматики китайского языка Ш-У вв."³.

Классами слов мы называем группы слов, получившиеся в результате классификации слов по их грамматическим признакам. Для китайского языка интересующего нас периода, в котором морфология, можно сказать, почти полностью отсутствует, к таким признакам относится тип конструкции, в которой употребляется слово, а также способность слова сочетаться с другими знаменательными или служебными словами.

В данной статье слова со значением места будут интересовать нас как класс слов, занимающий определенное место в системе частей речи (или классов слов) китайского языка Ш-У вв.

Известно, что в древнекитайском языке слова со значением места довольно свободно употреблялись в функции бессвязочного сказуемого и, как правило, не могли быть связочным. В функции же определения эти слова вели себя как имена: сочетания, в которых слова рассматриваемой группы обозначают постоянный признак, не могли быть преобразованы в сочетание подлежащего и сказуемого. Сочетания существительного и слова со значением места, в котором существительное является определением к слову со значением места, в древнекитайском языке выступали⁴ главным образом в функции дополнения с предлогом или без него. Такие сочетания не